

**ОСНОВАТЕЛЬ ХОРОВОЙ КАПЕЛЛЫ ДОЙНА, НИКОЛАЙ НЕНЕВ:
ЛЕГЕНДА И РЕАЛЬНОСТЬ****NICOLAE NENEV, FONDATORUL CAPELEI CORALE DOINA:
LEGENDĂ ȘI REALITATE****NICOLAE NENEV, FOUNDER OF THE “DOINA”
CHORAL CHAPEL: LEGEND AND REALITY****NATALIA BLÎNDU¹**

doctorandă,

Academia de Muzică, Teatru și Arte Plastice

<https://orcid.org/0000-0002-4943-1587>**SVETLANA ȚIRCUNOVA²**

doctor în studiul artelor, profesor universitar,

Academia de Muzică, Teatru și Arte Plastice

<https://orcid.org/0000-0002-9492-7987>

CZU 784.087.68.071.2(478)

784.087.68:061.231(478)

DOI <https://doi.org/10.55383/amtap.2026.1.08>

В статье раскрываются неизвестные факты жизни и деятельности Николая Ненева, молдавского фольклориста и этнографа, стоявшего у истоков академической хоровой капеллы «Дойна». В 1937 году Н. Ненев был обвинен органами НКВД в контрреволюционной националистической деятельности и расстрелян. Через 20 лет, в 1956-1957 гг. в результате пересмотра судебного дела было вынесено заключение о его невиновности. На основе анализа архивных документов авторы воссоздают события 1937 и 1957 годов, уточняют многие факты из жизни Н. Ненева, определяют перспективы возможных дальнейших поисков.

Ключевые слова: Николай Ненев, молдавская народная песня, НКВД, Большой террор

În articol sunt prezentate fapte necunoscute din viața și activitatea lui Nicolae Nenev, folclorist și etnograf moldovean, fondatorul Capelei Corale Academice „Doina”. În anul 1937, N. Nenev a fost acuzat de organele Comisariatului Poporului pentru Afaceri Interne (NKVD) de activitate naționalistă contrarevoluționară și executat prin împușcare. După două decenii, în 1956-1957, în urma reexaminării dosarului penal, a fost emisă o concluzie privind nevinovăția sa. Pe baza analizei documentelor de arhivă autorii reconstituie evenimentele din anii 1937 și 1957, clarifică numeroase fapte din viața lui N. Nenev și determină perspectivele unor posibile cercetări ulterioare.

Cuvinte-cheie: Nicolae Nenev, cântecul popular moldovenesc, NKVD, Marea Teroare

The article reveals previously unknown facts from the life and work of Nicolae Nenev, a Moldovan folklorist and ethnographer who stood at the origins of the “Doina” Academic Choral Chapel. In 1937, N. Nenev was accused by the People’s Commissariat for Internal Affairs (NKVD) authorities of counter-revolutionary nationalist activity and was executed by firing squad. Twenty years later, in 1956–1957, as a result of a review of his criminal case, a conclusion was issued declaring his innocence. Based on an analysis of archival documents, the authors reconstruct the events of 1937 and 1957, clarify many facts from N. Nenev’s life, and outline the prospects for possible further research.

Keywords: Nikolai Nenev, Moldovan folk song, NKVD, Great Terror.

1 E-mail: nataliacons1290@gmail.com

2 E-mail: tircunova@yandex.ru

Введение

В процессе изучения вопросов эволюции хорового исполнительского искусства Республики Молдова и выявления в нем роли академической капеллы *Дойна*, авторы обратили внимание, что самый ранний этап в развитии коллектива освещен обтекаемо и смутно. Поиски в Национальном архиве Республики Молдова позволили обнаружить несколько дел, проливающих свет на историю капеллы и ее представителей. Одно из таких дел связано с именем Николая Ненева, стоявшего у истоков *Дойны*, когда коллектив являлся самодеятельным хором и существовал исключительно на энтузиазме хористов и их руководителя. Документы оказались настолько важными, что возникла настоятельная потребность обнародовать их содержание. Так родилась идея настоящей статьи.

Имя Николая Ненева в молдавской фольклористике

Имя фольклориста и этнографа Николая Самсоновича Ненева, организатора хоровой капеллы *Дойна*, до конца 1957 г. не произносилось вслух. Оно стало встречаться в публикациях только начиная со следующего, 1958 г.

Впервые о Н. Неневе и его хормейстерской работе с самодеятельным хором Тираспольского института народного образования написал К. Пигров в статье *Моя работа в Дойне*, увидевшей свет в журнале *Музыкальная жизнь Молдавии*, который издавался Союзом композиторов и министерством культуры МССР в период 1958-1959 гг. Учитывая раритетный (в наши дни) характер этой публикации, приведем из нее развернутую выдержку, в которой раскрываются события конца 1930-го года: «Во главе крошечного хора стоял Николай Самсонович Ненев. Это был образованный молдаванин, большой любитель музыки, но самоучка. Он хорошо знал молдавскую песню и сделал довольно много записей песен непосредственно с голосов певцов-молдаван. Во всяком случае, записи молдавских песен, сделанные Н.С. Неневым, были первым материалом для композиторской обработки. Н.С. Ненев стал моим помощником. Я и Николай Самсонович дружно взялись за работу по набору национальных кадров для капеллы. Делалось это так. Н.С. Ненев ездил по Молдавии и старался найти людей с хорошими голосами, способных к восприятию музыкальной культуры. Дело это оказалось очень трудным. Многие девушки и парни, имевшие подходящий голосовой материал, боялись поступать в организацию, о которой они никогда и нигде не слышали. Приходилось встречаться с людьми, которые никогда раньше не ездили по железной дороге. С большим трудом удалось набрать человек двадцать – двадцать пять. И вот из этой, почти не тронутой культурой массы, надо было создать в будущем высококультурный хор» [1 с. 7].

И далее, о начальном репертуаре *Дойны*: «Каков был репертуар коллектива, что исполняла капелла в эти первые месяцы своей жизни? В основном это были революционные песни, русские и украинские народные песни. Обработок молдавских народных мелодий тогда еще совсем не было. Музыкальную культуру советской Молдавии приходилось создавать с азов. Материалом для этого была народная песня. Единственным источником в то время были записи народных песен, сделанные моим помощником – Николаем Самсоновичем Неневым. В начале 1931 года я и Н.С. Ненев отобрали несколько мелодий, казавшихся нам наиболее красивыми и удобными для хоровой обработки. Н.С. Ненев сделал перевод молдавского текста и добавил пояснения, когда и при каких обстоятельствах песня поется. Я отвез этот фольклорный материал в Одесское отделение Союза советских композиторов с просьбой помочь молодому коллективу» [1 с. 7]. Таковы, по словам К. Пигрова, первые шаги знаменитого в будущем хорового коллектива Молдовы.

В диссертации Л.А. Аксеновой на соискание ученой степени кандидата искусствоведения Молдавское народное музыкальное творчество, защищенной в 1961 г., читаем: «В 20-е годы нашего века [двадцатого – Н.Б., С.Ц.] в Автономной Молдавской Республике развернулась не-

которая работа по собиранию и систематизации молдавского музыкального и литературного фольклора <...>. Большую работу по собиранию молдавских народных песен провела Екатерина Николаевна Лебедева-Кутузова совместно с Николаем Неневым. В результате их совместной работы, в гор. Тирасполе, в 1935 году, был издан сборник текстов молдавских народных песен (без нот), содержащий свыше 100 текстов, и распределенных по жанрам, что является очень ценным» [2]. В монографии Молдавская народная песня (*Cântecul popular moldovenesc*), опубликованной этой же исследовательницей за три года до защиты диссертации, имя Н. Ненева отсутствует, а соответствующий пассаж выглядит следующим образом: «Prin anii '20 ai veacului nostru, în raioanele Moldovei din partea stângă a Nistrului au fost culese unele cântece de muncă de către folclorista sovietică Ecaterina Nicolaevna Levedeva-Cutuzova» [3 с. 6]³.

Позднее Г. Чайковский в историко-критическом очерке о развитии музыкальной фольклористики указал: «Известно, что музыкальный фольклор в различных районах Молдавской АССР собирали Н. Ненев (Неню), А. Корчинский, К. Квитка, В. Харьков, А. Каменецкий» [4 с. 58].

В 2008 г. известный молдавский фольклорист и этнограф Н. Бэешу привел более подробные сведения о Н. Неневе, связав их с изданием фольклорных сборников на латинской графике [5]. Он сообщил: сборники были составлены на базе собранных Н. Неневым в 1926-1930 гг. материалов; песни расположены в них по тематическому признаку; в настоящее время в Республике Молдова не существует ни одного экземпляра этих работ. Сборник Е. Лебедевой и Н. Неню фигурирует и в тексте диссертации В. Драгой, Лирические народные песни из долины Днестра (*Cântecul propriu-zis din valea Nistrului*), защищенной в 2022 г. [6]⁴.

Что же касается информации о жизни самого Н. Ненева, то она, по свидетельству Н. Бэешу, сводится к следующему: «Его настоящее имя Николай Ненев. Он жил в период 1905-1939 гг. Закончил Педагогический техникум в Балте, где остался работать в качестве преподавателя музыки (1928-1930). По наставлению П. Кьору начал собирать фольклор, заниматься литературой. Работал в составе Тираспольского научного молдавского комитета (1930-1937). Записал в левобережье Днестра более 1000 фольклорных текстов. Часть из них увидела свет в названном сборнике – *Cântece poporane*» [5 с. 48-49].

Если считать 1905 год временем появления Н. Ненева на свет, то вполне возможно, что в 1928 году (в возрасте 23 лет) он начал трудовую деятельность, а через два года (1930) стал сотрудником научного комитета. Однако в этих сведениях сквозит недосказанность, вызывающая впечатление, что за ними скрывается что-то сознательно умалчиваемое. Почему эти сведения так скупы и малоизвестны? Что произошло в 1939 г., когда Н. Неневу исполнилось 34 года и он был в расцвете сил? Невольно возникает мысль о связи с политикой Большого террора, проводившейся в СССР с середины 1930-х гг.

Ответ на эти вопросы найден при знакомстве с хранящимся в Национальном архивном агентстве Республики Молдова (АНА) следственным делом № 38516, начатым УНКВД по Молдавской АССР 15 сентября 1937 г. в связи с обвинением Ненева Николая Самсоновича (он же Потынга Александр Васильевич) в том, что он «состоял в контрреволюционной националистической организации и проводил активную контрреволюционную националистическую работу» [7]. Документы проясняют не только даты жизни молдавского фольклориста, но и раскрывают трагические обстоятельства последнего периода его жизни.

Материалы дела подразделяются на две части: первая фиксирует события 1937 г. и связана с арестом, допросом и вынесением приговора Н. Неневу (последние дни его жизни), вторая

3 Такой неприметный, на первый взгляд, факт, оказывается симптоматичным и легко объяснимым, если принять во внимание события, реставрированные в настоящей статье.

4 Отметим, что информация о Н. Неневе там заимствована из упомянутой статьи Н. Бэешу. Однако сборник *Cântece poporane* обнаружен В. Драгой в фондах Национальной библиотеки.

датируется 1956-1957 гг. и воспроизводит процесс его реабилитации (анализ судебного делопроизводства).

События осени 1937 года

Судебное делопроизводство осени 1937 г. включает следующие документы: постановления о начале следствия и об избрании меры пресечения, санкция прокурора, ордер на арест, протокол обыска, акт о сожжении переписки Ненева как не имеющей отношения к делу, справки об изъятии паспорта и профсоюзного билета Н. Ненева, анкета арестованного, постановление о предъявлении обвинения, протокол допроса обвиняемого Ненева, обвинительное заключение. Сопоставление между собой этих документов позволяет восстановить ход событий.

15 сентября оперуполномоченным Управления государственной безопасности (УГБ) Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) МАССР были подписаны постановления о начале следствия «о преступной деятельности гражданина Ненева Николая Самсоновича» и ордер на обыск и арест подозреваемого, мотивированные тем, что «Н.С. Ненев, будучи на свободе, может скрыться от следствия и суда» [7 с. 1].

На следующий день, 16 сентября, вышло развернутое постановление УГБ НКВД об избрании меры пресечения в виде содержания Н. Ненева в Тираспольской тюрьме. Из этого документа проясняются биографические данные обвиняемого: год его рождения – 1883; он уроженец Бессарабии; беспартийный; гражданин СССР; бывший заведующий этнографической секции Молдавского научно-исследовательского института. Обвиняется в том, что «на протяжении ряда лет занимался активной контрреволюционной националистической деятельностью» (статья 54-10-11 УК УССР) [7 с. 2].

Еще одним днем позже, 17 сентября, в доме по адресу: г. Тирасполь, Старокладбищенский переулок, 8, где проживал Н. Ненев с матерью, 78-летней Неневой Софьей Диомидовной, произведен обыск, а сам он арестован и препровожден в Тираспольскую тюрьму. При обыске заполнена анкета, в которой, помимо указанных ранее сведений, содержатся новые детали: место его рождения – Леово; происхождение – неимущий крестьянин-бедняк; после революции – служащий; образование среднее; в 1900 г. служил рядовым в Тобольском 38-м пехотном полку, расквартированном в городе Скерневицы Варшавской губернии.

Почти через месяц после ареста, 13 октября, состоялся первый (и единственный) допрос обвиняемого. Протокол этого дознания включает уточнение анкетных данных и ответы на вопросы по сути обвинения. В первой части протокола имеется информация, которой не было прежде (и которая не совпадает с более ранней): указано, что до революции Н. Ненев был офицером царской армии, с 1919 г. по 1920 г. «служил у белых в качестве надзирателя Государственной стражи», а в 1933 г. уже арестовывался органами ГПУ как член контрреволюционной националистической организации.

Вторая часть допроса (ответы на вопросы) фиксирует интересующие следователя события из жизни обвиняемого до момента взятия под стражу. Они воспроизводят период Первой мировой войны в Европе и смутного времени Гражданской войны в Одессе. Чтобы понять и объективно оценить повествование Н. Ненева, его необходимо «погрузить» в исторический контекст тех лет, что сейчас в известной мере возможно при помощи привлечения мемуарной и исторической литературы. Поэтому дальнейшие показания Н. Ненева в настоящей статье будут сопровождаться комментариями с позиции сегодняшнего дня.

– Н. Ненев рассказал, что в царской армии служил в чине поручика, а с 1917 г. по 1918 г. находился в германском плену.

Эти сведения не противоречат его анкетным данным при аресте, что военную службу он начал в 1900 г. в 38-м пехотном Тобольском полку, который на рубеже веков был расквартирован в Варшавской губернии [8]. Один из старейших в русской императорской армии полк прошел

масштабный боевой путь на русско-германском фронте Первой мировой войны: участвовал в битвах в Галиции и Польше (1914), в Белоруссии и Литве (1915-1916), на Юго-Западном направлении (1917) [8 с. 115]⁵. Учитывая размах военных действий этого подразделения, естественно предположить, что Н. Ненев действительно в 1917 г. мог попасть в немецкий плен и находиться там до того момента, когда в 1918 г. Германия вышла из войны, фактически признав поражение.

– Далее, после освобождения из плена, Н. Ненев, по его словам, оказался в Одессе, которая тогда, как он указал, находилась в руках петлюровцев.

Данное утверждение конкретизирует время его появления в городе. Историки свидетельствуют, что после немецкой оккупации Одессы, закончившейся в ноябре 1918 г., место австро-германских военных подразделений в городе заняли французские войска Антанты и Украинской Народной Республики под руководством С. Петлюры и В. Винниченко. Следовательно, появление Н. Ненева в Одессе можно предположительно датировать концом 1918 г. (возможно, границей ноября – декабря).

– Вскоре, свидетельствует Н. Ненев, пришли большевики, а затем белые, которыми он, как офицер, был мобилизован и находился на службе в так называемой Государственной страже.

Действительно, 6 апреля 1919 г. французские войска и их союзники были вынуждены покинуть Одессу под натиском отрядов атамана Н. Григорьева, который ранее перешел на сторону большевиков. Поэтому в городе ненадолго (с апреля по август 1919 г.) восстановилась советская власть. Но уже в августе 1919 г. Одессу заняли Вооруженные силы Юга России (ВСЮР) под командованием генерала А. Деникина (Добровольческая белая армия). В этот период в городе и функционировала Государственная стража как часть административного аппарата А. Деникина. Государственная стража совмещала в себе функции политической, уголовной и территориальной полиции и была военизированным органом гражданского управления на территориях, контролируемых Белым движением: она поддерживала общественный порядок, боролась с большевистским подпольем и с уголовной преступностью, которая процветала в охваченной хаосом Одессе 1919 г.

– Далее Н. Ненев сообщил, что в 1920 г. белые под напором Красной армии покинули Одессу и двинулись на Овидиополь с намерением бежать в Румынию. Румыны Добровольческую армию не приняли и разоружили. Тогда Н. Ненев, вместе с обезоруженными частями, направился в Тирасполь с прежней целью – бежать в Румынию, но по пути попал в плен к котовцам и был отконвоирован в Одессу, где находились большевики.

По историческим сведениям, 8 февраля 1920 г., в результате Одесской операции, в городе окончательно установилась советская власть. Вывод белых войск из Одессы проходил в условиях паники, неразберихи и сопровождался большими потерями. Эвакуация морем была организована плохо: из-за нехватки судов, организационных проблем и замерзающего моря погрузиться на корабли смогла лишь малая часть желающих. Остатки войск под командованием генерала Н. Бредова (в их составе, по-видимому, был и Н. Ненев) начали тяжелый отступной марш вдоль железной дороги на запад, к границе с Румынией (так называемый Бредовский поход). Румынские власти отказались пропустить их через границу и даже открыли огонь, из-за чего основной отряд был вынужден повернуть на север в сторону Польши. Часть сил, отрезанная от главных колонн, сложила оружие в районе Тирасполя и сдалась в плен Красной армии. Другая часть рассеялась или была захвачена кавалерией Г. Котовского.

– Боясь репрессий за службу в Добрармии, да еще в офицерском чине, Н. Ненев скрыл от следственных органов свое офицерское звание, службу в Государственной страже и переменил с этой целью свою фамилию, имя и отчество – с Потынга Александр Васильевич на Ненев Николай Самсонович».

5 Весной 1918 г., после подписания Брестского мира, обеспечившего выход Советской России из Первой мировой войны, полк был расформирован.

После взятия города большевиками в феврале 1920 г. Одесская ЧК начала зачистку «контрреволюционных элементов»: устраивались облавы и ночные выезды, когда арестованных офицеров вывозили на окраины города или расстреливали прямо в подвалах ЧК. Тех, кого не расстреляли сразу, отправляли в лагеря принудительных работ, где смертность была очень высокой из-за голода и тифа. Естественно, что в таких условиях идея изменить анкетные данные рассматривалась как единственный способ выживания. Именно в это время Н. Ненев присвоил себе имя, под которым известен сейчас, заменив им истинное – Потынга Александр Васильевич. Думается, что ответ на вопрос, почему он выбрал именование Ненев Николай Самсонович, а не другое, может быть найден в будущих архивных поисках в родном городе Ненева-Потынга – Леово. Возможно, это фамилия кого-то из близких родственников (например, девичья фамилия матери). Выскажем лишь предположение, что вклад этого человека в историю музыкальной культуры Молдовы все же останется под именем Ненева, поскольку именно оно связано в общественном сознании с его достижениями.

– Далее, Н. Ненев указал, что с 1927 г. работал «на культурном фронте в Молдавии».

По-видимому, 1927 г. является временем его появления в МАССР: сначала в Балте, затем в Тирасполе. Период 1920-1927 гг., таким образом, остается непроясненным с точки зрения местонахождения Н. Ненева.

– Говоря о причинах ареста в 1933 г., Н. Ненев признал, что тогда был задержан вместе с другими лицами (Малай, Думитрашко, Мадан, Дурбайло); всем были предъявлены обвинения в контрреволюционной националистической деятельности, но если остальные были осуждены к разным срокам заключения, то он, Ненев, согласился на секретное сотрудничество с ГПУ и из-под стражи освобожден.

Обвинения в контрреволюционной националистической деятельности в 1933 г. предъявлялись многим деятелям культуры и образования МАССР в связи с введением латинской графики, имевшей место в период 1932-1937 гг. По мнению исследователей социально-политических процессов в МАССР, эти преследования стали первыми масштабными чистками «национал-уклонистов» [9]⁶.

Установление латиницы тогда являлось частным проявлением общей тенденции в СССР – перевода на латинский алфавит письменности всех народов СССР (со всех графических систем, в том числе и с кириллической). Масштабная кампания латинизации рассматривалась как введение «алфавита Маркса и Энгельса» и как путь к объединению пролетариата всего мира. В январе 1930 г. подкомиссия по латинизации русского алфавита при Главнауке Наркомпроса РСФСР представила проект перехода на латиницу русского языка, утверждая, что кириллица является «идеологически чуждой» и препятствует мировой революции.

Однако уже 25 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) под руководством И. Сталина издало постановление, запрещающее разработку проекта латинизации русского языка как «излишнюю и вредную затею». Это объяснялось отказом от политического курса СССР на скорую мировую революцию в пользу построения социализма в отдельной стране, следовательно, латиница как «алфавит мирового пролетариата» потеряла свою актуальность.

Отказ от латинизации русского языка явился «триггером» для отмены перевода на латиницу письменности других народов СССР, сначала этносов Крайнего Севера, затем угро-финских народов Поволжья и Урала и, наконец, всех остальных, в их числе молдавского: кампанию латинизации сменила кириллизация. Кириллица стала рассматриваться как инструмент консолидации народов СССР вокруг русского языка. Полный отказ от латиницы произошел после 1937-1938 гг., что было связано с изменением национальной политики в СССР: центра-

6 В этой связи сошлемся на исследование И. Кашу, *Dușmanul de clasă. Represiuni politice, violență și rezistență în R(A)SS Moldovenească, 1924-1956*.

лизацией государственной власти, насильственной русификацией, атеистической пропагандой и политическим террором.

Для языка молдаван, проживавших в МАССР, латинская графика являлась естественной, ее введение было встречено с энтузиазмом: в 1932 г. был издан ряд книг на латинице. Латинской графикой были выполнены и сборники песен, собранных Н. Неневым. В годы Большого террора сторонники внедрения латинского алфавита объявлялись «румынизаторами» и «национал-уклонистами». Любое проявление интереса к бессарабской культуре трактовалось как «националистический саботаж» в интересах румынской сигуранцы. Как уже было сказано, аресты тогда затронули писателей, лингвистов и учителей.

– Как секретный сотрудник ГПУ-НКВД Н. Ненев должен был «разоблачать врагов народа и информировать о них органы ГПУ». По роду профессиональной деятельности в Тираспольском научном молдавском комитете он находился в тесной связи с Г. Бучушкану, Л. Кожухарем, Д. Милевым, Ф. Малаем, но «не разоблачал их контрреволюционные националистические действия, то есть не оправдал себя как секретный сотрудник» НКВД.

Названные лица проходили по так называемому румынскому делу (или румынской операции) 1937 г., которая являлась одной из многих национальных операций НКВД, проводившихся в период Большого террора. Основными национальными операциями 1937 г. являлись: немецкая, польская, харбинская, румынская, греческая, латвийская, корейская. Планировались также операции против эстонцев, финнов, китайцев и иранцев. Национальные операции НКВД 1937–1938 гг. представляли собой серию массовых репрессивных акций, направленных против определенных народов, которые считались потенциальной «пятой колонной» и шпионами в преддверии возможной войны. Эти операции отличались упрощенным порядком следствия, широким применением смертной казни и были нацелены не на конкретных людей, а на целые категории населения по этническому или территориальному признаку.

Так, румынская операция, инициированная приказом НКВД № 00447, была направлена против лиц, имевших связи с Румынией и, в частности, приветствовавших перевод молдавского языка на латинскую графику, что расценивалось как желание разрыва с СССР и соединения с Румынией. Подследственным вменяли в вину шпионаж, участие в «контрреволюционных националистических организациях» и подготовку диверсий в пользу Румынии. Приговоры обычно выносились по ускоренной процедуре (расстрел или 10 лет лагерей). Как видим, дело Потынга-Ненева было одним из многих.

– На вопрос о причастности к контрреволюционной организации Н. Ненев ответил, что никакой контрреволюционной националистической работы не проводил, членом контрреволюционной организации никогда не был и о существовании таковой не имел никакого представления.

В обвинительном заключении в числе правонарушений Н. Ненева перечисляются: служба в звании офицера в царской, Добровольческой и белой армиях и сокрытие этих фактов; попытка бежать за границу; проживание под вымышленным именем; дезинформация органов ГПУ-УГБ. На этом основании Н. Ненев-А. Потынга был обвинен в преступлениях по ст. 54-10 ч. 1 УК УССР, карающей за контрреволюционные действия.

Содержание внесудебного приговора отражено в копии выписки из протокола от 12 ноября 1937 г. за подписью генерального комиссара НКВД СССР Н. Ежова и прокурора СССР А. Вышинского⁷, в которой говорится, что по рассмотрению материалов, представленных НКВД МАССР, на лиц, «обвиняемых в шпионской и диверсионной деятельности в пользу Ру-

7 Во время Большого террора 1937–1938 гг. А. Вышинский и Н. Ежов входили в состав «двойки» — Комиссии НКВД СССР и прокурора СССР, которая рассматривала во внесудебном порядке дела о шпионаже в рамках национальных операций НКВД.

мынии», принято постановление: Ненева Николая Самсоновича, 1897⁸ г.р., уроженца Бессарабии – расстрелять [7 с. 25]. В справке, приложенной к делу, сообщается, что приговор НКВД СССР от 12 ноября 1937 г. «по румынской операции» в отношении осужденного к высшей мере наказания (ВМН) – расстрелу – Ненева Николая Самсоновича, он же Потынга Александр Васильевич, приведен в исполнение 22 ноября 1937 г. [7 с. 16].

Посмертная реабилитация – 1956-1957 гг.

Вторая часть документов архивного дела Н. Ненева-А. Потынга открывается письмом старшего преподавателя Кишиневской государственной консерватории Л. Аксеновой в ЦК КП Молдавии, которое было написано 22 сентября 1956 г. и содержало просьбу оценить значение фольклорных сборников, опубликованных Н. Неневым и Е. Лебедевой. Л. Аксенова писала: «Работая над диссертацией на тему Молдавские народные песни и занимаясь вопросом собирания молдавских народных песен в 20-30 гг. в Автономной Молдавской Республике, мне неоднократно приходилось встречать в печатных материалах и в беседах с композиторами и другими товарищами упоминание о большой работе по собиранию молдавских народных песен, развернутой К. Неневым (Неню). Зимой этого года, будучи в командировке в Москве и изучая архив собирательницы молдавских песен Е.Н. Лебедевой-Кутузовой, я познакомилась со сборником текстов молдавских народных песен, изданном в Тирасполе в 1935 г., авторами которого являлись К. Ненев (Неню) и Е. Лебедева, которыми мне необходимо воспользоваться в своей работе.

Со слов композиторов Украины, в частности, С. Орфеева – директора Одесской консерватории и других товарищей, мне известно, что К. Ненев записал около 2000 молдавских песен, и в основном его записи послужили материалом для обработок молдавских народных песен композиторами Н. Вилинским, Л. Гуровым, С. Орфеевым, К. Данькевичем и другими, так как названные выше композиторы не занимались записью молдавских песен. Мне известно также со слов участников первых кружков художественной самодеятельности Молдавии, в частности, со слов директора Института молдавского языка и литературы филиала Академии Наук МССР товарища А.Т. Борща⁹ о плодотворной музыкальной деятельности К. Ненева в городе Балте с 1926 г., затем в Тирасполе. К. Ненев организовал в Молдавском педагогическом техникуме в Балте хор и оркестр, а также хор в партшколе. В репертуаре хоров были песни советских композиторов, молдавские народные песни, произведения русских композиторов-классиков. К. Неневу принадлежали многие обработки молдавских народных песен.

Изучение развития музыкальной культуры Молдавии неразрывно связано с изучением народного музыкального творчества – искусства трудового народа, профессионального искусства и деятельности тех или иных музыкантов, которые внесли определенный вклад в дело развития музыкальной культуры Молдавии. Деятельность К. Ненева-музыканта, по моему мнению, представляет значительный интерес» [7 с. 17-19]

15 октября 1956 г. в отдел науки ЦК КПМ поступает аналогичное письмо от директора Института истории, языка и литературы, кандидата филологических наук А.Т. Борща, в котором вопрос об оценке литературного творчества МАССР в 1930-е гг. ставится более широко – фамилия Н. Ненева фигурирует здесь наряду с именами А. Дымбула, Л. Мадана, И. Малая, Апостолова, Г. Гординского, Вайнберга, И. Василенко, П. Штефэнуке и Т. Цигану. Дирекция института просит ЦК КПМ «поставить перед соответствующими инстанциями вопрос о возможности в дальнейшей работе упоминания, ссылок, опубликования (полного или частично)» трудов этих деятелей культуры.

8 Допущена ошибка в указании года рождения Н. Ненева.

9 А.Т. Борщ (1908–1993) — филолог, лингвист, языковед, окончил в 1930 г. Молдавский педагогический техникум в Балте (первый выпуск); был лично знаком с Н. Неневым в период своей учебы в этом педагогическом техникуме.

Эти два документа стали отправными в деле реабилитации репрессированных деятелей культуры МАССР. В оперативном порядке органы КГБ и МВД МССР запросили соответствующие архивно-следственные дела и произвели проверку содержащихся в них фактов. В частности, по делу Н. Ненева дополнительно были опрошены свидетели, которые знали его лично по работе в Балте и Тирасполе. 24 января 1957 г. дала показания В. Смелых (на тот момент кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политэкономии Кишиневского педагогического института), которая в прошлом была знакома с Н. Неневым. Она сообщила, что знала его примерно с 1926-1927 г. до 1936 г., и в деловом отношении может охарактеризовать только с положительной стороны: «Помню, когда в 1927-1928 гг. училась в Педагогическом техникуме в Балте, то из студентов там был создан хор, а также республиканский хор *Дойна*. В хоре педтехникума, а также в Дойне участвовала лично я. Н. Ненев в то время являлся руководителем в обоих хорах. К работе он относился исключительно добросовестно, с любовью и знанием дела, стремился создать хороший коллектив <...>. Позже, когда столица из города Балты была переведена в Тирасполь, Н. Ненев работал в научном комитете» [7 с. 48-52].

11 февраля 1957 г. была допрошена Н. Агасьева, тоже сотрудница Кишиневского педагогического института, которая, как и В. Смелых, пела в руководимых Н. Неневым хорах. Она сказала: «К нам, молодежи, Н. Ненев относился очень внимательно, подбирал в кружок и занимался с нами. Сам же Н. Ненев, как я знаю, собирал песни среди студентов и населения, обрабатывал их и, насколько я знаю, он готовил сборник молдавских народных песен. Положительное у него было и то, что он очень хорошо знал и любил свое дело, являлся общительным и отзывчивым человеком» [7 с. 55].

Помимо беседы с названными свидетелями, КГБ организовал (по архивным фондам КГБ и МВД) проверку принадлежности Н. Ненева-А. Потынга к контрреволюционным организациям и антипартийным группировкам, к службе в белой армии и Государственной страже, а также к секретному сотрудничеству с органами Госбезопасности. На все запросы (кроме одного) пришли отрицательные ответы. Лишь в одной справке КГБ сообщалось, что 2 ноября 1933 г. Н. Ненев действительно был завербован ГПУ в качестве агента под псевдонимом Барс. Однако, давал ли он какие-то материалы в органы ГПУ, из его личного дела не видно.

Для профессиональной оценки двух сборников песен, опубликованных Н. Неневым в 1935 г., КГБ обратился в союз писателей МССР; и 11 февраля 1957 г. было получено заключение комиссии, состоявшей из писателя Л. Барского и поэтов В. Рошки и А. Гужеля. В нем, в частности, говорилось: «Первая книга – Революционные песни – представляет из себя сборник революционных песен, в то время бытовавших и переведенных на молдавский язык. Часть этих песен в настоящее время уже не бытует и не представляет интереса; другая часть слабо переведена, а некоторые песни, вошедшие в этот сборник, не утратили своего значения и в настоящее время. Ими можно воспользоваться в настоящее время. Каких-либо политических искажений или политических ошибок, допущенных переводчиками, мы не обнаружили.

Что касается второй книги – Молдавские народные песни – то она представляет собой сборник молдавских народных песен, собранных Кулай Нениу и Лебедевой главным образом в молдавских селах левого берега Днестра. Под каждой песней имеется адрес, т.е. указано, у кого записана песня. Эти песни – неподдельное народное творчество. С ярко выраженным социальным характером, представляющее большой интерес и в наши дни. После незначительной редакции эта книга может быть переиздана, при этом будет большая польза для молдавской музыкальной культуры. Нами не обнаружено никаких политических искажений» [7 с. 80-81].

Отсюда следует, что была собрана разнообразная информация, позволившая Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда МССР 27 августа 1957 г. вынести решение о невиновности Н. Ненева-А. Потынга. Имя человека, прожившего недолгую, насыщенную событиями жизнь в пору тяжких социальных потрясений, внесшего значительный вклад в разви-

тие молдавской фольклористики и явившегося основателем академической хоровой капеллы *Дойна*, очистилось от несправедливых обвинений и вошло в научный обиход отечественных исследователей. Однако познакомиться с документами дела оказалось возможным только сейчас, поскольку гриф секретности был снят с него сравнительно недавно.

Выводы

Подытоживая сказанное, назовем факты, впервые введенные авторами статьи в научный оборот:

- с достоверностью выявлены годы жизни Н. Ненева: 1883-1937;
- определено место его рождения: город Леово, который в 1883 г. входил в Бессарабскую губернию Российской империи (обоснование службы Н. Ненева в царской армии России), в 1918-1940 гг. – в состав Румынского королевства (дополнительный стимул для Н. Ненева в 1920 г. попасть в эту страну), а с 1940 г. – в структуру МССР;
- выяснено место его смерти: город Тирасполь;
- раскрыты обстоятельства жизни Н. Ненева в годы Первой мировой и Гражданской войн, указаны факты фольклористической и музыкально-организаторской деятельности в Балте и Тирасполе.

Помимо этого, в итоге предпринятого анализа архивного дела Н. Ненева очерчиваются также зоны, требующие дальнейших поисков и изучения. Одной из них является выяснение родственных и семейных связей Н. Ненева, что позволило бы понять особенности его музыкального воспитания, образования и интересов.

Библиографические ссылки

1. ПИГРОВ, Константин. Моя работа в «Дойне». *Музыкальная жизнь Советской Молдавии*. 1958, № 2, с. 7–9.
2. АКСЕНОВА, Лидия. *Молдавское народное музыкальное творчество*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения: в 2 ч. Кишинев, 1961. Архив АМТИИ.
3. AXIONOVA, Lidia. *Cântecul popular moldovenesc*. Chișinău: Editura de Stat a Moldovei, 1958.
4. ЧАЙКОВСКИЙ, Глеб. Музыкальная фольклористика: (историко-критический очерк). В: *Музыкальная культура Молдавской ССР*. Москва: Музыка, 1978, с. 56–74.
5. BĂIEȘU, Nicolae. Folcloristica în R.A.S.S. Moldovenească (anii 1930-1940). *Revistă de lingvistică și știință literară*. 2008, nr. 3/4, pp. 48–57. ISSN 0236-3119.
6. DRAGOI, Vasile. *Cântecul propriu-zis la valea Nistrului*. Autoreferatul tezei de doctor în studiul artelor și culturologie. Chișinău, 2022.
7. Уголовное дело по обвинению Ненев Николай Самсонович (он же Потынга Александр Васильевич). ANA. F. R-3401, inv. 1, d. 4060, 94 f.
8. ЛЕСКИН, Сергей. *Краткая история Тобольского пехотного полка, 1703-1918*. Тюмень: Вектор Бук, 2019. ISBN 978-5-91409-475-8.
9. CAȘU, Igor. *Dușmanul de clasă: Represiuni politice, violență și rezistență în R(A)SS Moldovenească, 1924-1956*. Chișinău: Cartier, 2014. ISBN 978-9975-79-828-0.

Manuscris primit la 09.04.2026. Acceptat pentru publicare la 15.05.2026.

Acest articol este distribuit sub Licența Creative Commons Atribuire-Necomercial-Fără derivate 4.0 International.